

Претти против Соединенного Королевства [Pretty – United Kingdom] (№ 2346/02)

Постановление от 29 апреля 2002 г. [вынесено IV Секцией]

Факты Заявительница, женщина 43 лет, страдает заболеванием двигательных нейронов. Эта дегенеративная болезнь неизлечима и связана с крайним ослаблением рук и ног, а также мышц дыхательной системы, что в конце концов приводит к смерти. Диагноз был поставлен в 1999 году, и с тех пор болезнь стремительно прогрессирует: организм заявительницы полностью парализован от шеи до ног, ее кормят через зонд, при этом больная сохраняет полную ясность рассудка и способность принимать решения. Последние этапы заболевания связаны с мучениями и унижительным положением больной, и поэтому она выразила желание определить самой, каким образом она скончается, и самой же наметить срок ухода из жизни. Однако Претти не в состоянии совершить самоубийство без посторонней помощи, а содействие в совершении самоубийства является уголовно наказуемым деянием. Адвокат больной заявительницы обратился к Директору публичных преследований¹ с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию в случае, если тот поможет ей совершить самоубийство. Просьба была оставлена без удовлетворения, ходатайство о пересмотре этого решения в судебном порядке было отклонено решением Апелляционного присутствия отделения королевской скамьи Высокого суда, а поданную впоследствии апелляционную жалобу после тщательного рассмотрения обстоятельств дела в ноябре 2001 года отклонила Палата лордов.

Вопросы права Европейский Суд признал жалобу неприемлемой, что касается пункта 3 Статьи 29 Конвенции.

По поводу Статьи 2 Конвенции. Во всех делах, рассматриваемых Европейским Судом в связи с нарушениями нормы Конвенции о праве человека на жизнь, постоянно подчеркивается обязательство государства защищать жизнь граждан, и Европейскому Суду в ходе рассмотрения таких дел убедительно не доказали, что право на жизнь может быть истолковано и как право на отказ от жизни. Статья 2 Конвенции не касается вопросов, связанных с качеством жизни, а также с решениями, которые может принимать человек в отношении собственной жизни; содержание Статьи 2 Конвенции – если, конечно, не исказить ее текст – невозможно интерпретировать как предоставляющую людям право на смерть. Толкование этой Статьи не ведет и к формулированию права индивидуума на самоопределение в смысле предоставления человеку права предпочесть жизни смерть. И поэтому на основании Статьи 2 Конвенции невозможно сделать вывод о предоставлении права умереть как при помощи третьего лица, так и при содействии государственного органа. Кроме того, при рассмотрении данной жалобы Европейский Суд не обязан выносить оценку по вопросу о том, находится ли законодательство в других странах в таком состоянии, что оно не защищает право граждан на жизнь. Даже если будет установлено, что в той или иной

¹ В Великобритании так именуется глава службы государственных обвинителей (*прим. перев.*).

стране законом допускается содействие добровольному уходу из жизни и это не приводит к нарушению Статьи 2 Конвенции, для решения вопроса заявительницы такой вывод не будет иметь значения, так как ее доводы основываются на ином утверждении, а именно: не дав согласия на совершение заявительницей самоубийства с посторонней помощью, власти Соединенного Королевства нарушат обязательства, предусмотренные Статьей 2 Конвенции. Обоснованность этого заявления не установлена.

Постановление *Вывод:* положения Статьи 2 Конвенции не нарушены (принято единогласно).

По поводу Статьи 3 Конвенции. Несомненно, что власти государства-ответчика не подвергали заявительницу дурному обращению, не было жалоб и по поводу того, что Претти не оказывалась адекватная помощь со стороны государственных органов здравоохранения. Таким образом, речь не шла о каких-либо действиях или о каком-либо «обращении» с человеком, как этот термин понимается в Конвенции: утверждение заявительницы о том, что отказ в принятии обязательства не подвергать ее супруга судебному преследованию является бесчеловечным и унижающим достоинство человека обращением, за которое государство несло ответственность – так как оно не смогло защитить Претти от мучений – представляет собой новое и расширенное толкование понятия «обращение» с человеком, выходящее за рамки обычного значения этого слова. Положения Статьи 3 Конвенции следует рассматривать в согласии со Статьей 2 Конвенции, которая в первую очередь запрещает применение смертоносной силы и таких действий, которые могут привести к смерти. Позитивное обязательство государства, на которое ссылается заявительница, не связано с устранением или уменьшением вреда, в частности, путем недопущения дурного обращения со стороны государственных органов или частных лиц либо путем предоставления лучших условий или лучшего лечения. В данном случае требуется, чтобы государство санкционировало действия для прекращения человеческой жизни, а такое обязательство не следует из положений Статьи 3 Конвенции. Следовательно, положения указанной статьи не служат основанием для каких-либо позитивных обязательств ни в плане гарантий отказа от судебного преследования, ни в связи с предоставлением какой-либо иной законной возможности по оказанию иного содействия в самоубийстве.

Постановление *Вывод:* положения Статьи 3 Конвенции не нарушены (принято единогласно).

По поводу Статьи 8 Конвенции. Хотя в решениях по ранее рассмотренным делам не было установлено право личности на самоопределение согласно данному положению, понятие личной независимости человека является важным принципом, лежащим в основе интерпретации предусмотренных данной Статьей гарантий. Возможность жить по собственному усмотрению может включать и возможность предпринимать действия, которые считаются физически или морально вредными или опасными для данного лица. Даже и в том случае, если подобные действия представляют опасность для здоровья, а возможно, и для жизни человека, применение государством принудительных или уголовно-правовых мер – согласно прецедентной практике учреждений Конвенции – считается вторжением в частную жизнь.

В области лечения отказ от того или иного курса лечения может неизбежно привести к смертельному исходу, но принудительное применение лечения без согласия

больного может привести к нарушению физической неприкосновенности человека, в связи с чем возникнет вопрос о правах человека, предусмотренных Статьей 8 Конвенции. Смысл Конвенции – обеспечить уважение достоинства и свободы человека. Принцип священности человеческой жизни никоим образом не отрицается, но именно в контексте Статьи 8 Конвенции понятия качества жизни приобретают особое значение, так что нельзя исключать, что лишение заявительницы возможности реализовать ее собственное решение избежать унижительной и мучительной смерти является нарушением ее права на уважение частной жизни. Таким образом, положения Статьи 8 Конвенции подлежат применению в данном деле.

Остается дать ответ на вопрос о необходимости какого-либо вмешательства. Хотя утверждение властей Соединенного Королевства о том, что заявительницу следует рассматривать как лицо уязвимое, не было подкреплено какими-либо доказательствами, государство путем применения общего уголовного законодательства вправе регламентировать действия, угрожающие жизни и безопасности других лиц. И в данном случае соответствующий закон был направлен на сохранение человеческой жизни путем обеспечения защиты слабых и уязвимых. Многие неизлечимо больные являются уязвимыми, и уязвимость целой категории людей стало основанием для разработки данного закона. И, прежде всего, именно государство должно оценить риск и вероятность злоупотреблений в случае ослабления общего запрета на совершение самоубийства при содействии других людей, а также в случае введения определенных исключений. Таким образом, безоговорочный запрет на содействие в совершении самоубийства не является формой несоразмерного вмешательства государства в право человека на личную жизнь. Не представляются произвольными и положения закона, которые в силу признания ценности человеческой жизни запрещают содействие в совершении самоубийства, но в то же время предусматривают такую систему применения данных положений и вынесения судебных решений, которая позволяет учитывать в каждом конкретном случае публичный интерес при осуществлении уголовного преследования, а также справедливые и надлежащие требования кары за преступление и его предупреждения. Отказ от принятия на себя обязательства не привлекать супруга заявительницы к судебной ответственности, сделанный заранее, тоже не был формой несоразмерного вмешательства государства в право человека на личную жизнь: можно представить весомые аргументы, основанные на принципе верховенства закона, против попыток представителей исполнительной власти освобождать от действия закона отдельных лиц или категории граждан, и в любом случае речь шла об освобождении от ответственности за столь серьезное деяние, что отказ нельзя считать произвольным и необоснованным. Следовательно, подобное вмешательство государства в осуществление права человека на личную жизнь можно оправдать как необходимое в демократическом обществе.

Постановление *Вывод:* положения Статьи 8 Конвенции не нарушены (принято единогласно).

По поводу Статьи 9 Конвенции. Не все мнения и убеждения являются убеждениями по смыслу данной Статьи, а требования заявительницы не имели отношения к исповедованию религии или убеждений. Поскольку взгляды заявительницы отражали ее приверженность принципу личной независимости человека, ее требование представляло собой иную формулировку жалобы на основании Статьи 8 Конвенции.

Постановление *Вывод:* положения Статьи 9 Конвенции не нарушены (принято единогласно).

По поводу Статьи 14 Конвенции. При рассмотрении жалобы на основании Статьи 8 Конвенции установлено, что имеются веские причины не предусматривать в законодательстве каких-либо исключений в отношении лиц, которые не считаются уязвимыми; в контексте Статьи 14 Конвенции имеются столь же убедительные причины не пытаться проводить различия между лицами, которые обладают физической способностью совершить самоубийство, и лицами, не имеющими такой возможности. Грань между двумя указанными категориями во многих случаях будет весьма нечеткой, и попытки предусмотреть в законодательстве исключения для лиц, которые считаются неспособными совершить самоубийство, серьезно отразятся на возможностях охраны человеческой жизни, которую закон призван гарантировать, и в значительной степени увеличит опасность злоупотреблений.

Постановление *Вывод:* положения Статьи 14 Конвенции не нарушены (принято единогласно).